Евгений Маляр
Благородный таксист

Сборник одесских (и не только) рассказов

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Евгений Маляр

Благородный таксист. Сборник одесских (и не только) рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Маляр Е. А.

Благородный таксист. Сборник одесских (и не только) рассказов / Е. А. Маляр — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Эти рассказы и повести писались много лет по мотивам реальных жизненных историй, услышанных автором или произошедших с ним. Их дюжина. Среди них есть и забавные, и грустные. В основном это одесские истории, хотя и не все. Очень хотелось передать атмосферу нашего города и других мест, где довелось побывать. Есть надежда. что читателям все это будет интересно.Содержит нецензурную брань.

© Маляр Е. А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Благородный таксист 5
Викуся из техотдела 8
Вот такое кино… 10
Праздник 12
Уроки мужества 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Благородный таксист

«Волга ГАЗ-21» кофейного цвета с шашечками такси мчалась по дороге на Ильичевск. Было поздно, горели фары, в салоне из радиоприемника звучал голос Магомаева, янтарная подсветка приборной панели придавала обстановке своеобразный дорожный уют. Пассажиров было двое: девушка лет двадцати и мужчина лет сорока – сорока пяти. Девушка заметно нервничала, поглядывала на часы. Деревья за окном мелькали быстро, секундная стрелка часов наматывала оборот за оборотом, а девушка ерзала на переднем сиденье.

– Ще, девуля, к жениху сильно торопишься? – тряхнул чубом водитель, крепкий мужик лет сорока в клетчатой рубашке-безрукавке.

– Та не, я к мамане еду, в Александровку. Только боюсь, не успею на паром.

– Та успеешь, уже скоро. Смотри, вот уже поворот.

Подъехали к парому, он еще не отошел. Водитель выключил счетчик.

– Рупь-восемьдесят – прошу платить!

Мужчина дал рубчик и вышел. Девушка стала шарить с кошельке-гаманце, звеня мелочью.

– Ой, а мне не хватает! Вернее, почти хватает, а на паром двадцать копеек уже не будет! – запаниковала девчушка.

– А ты не шебуршись, давай так, оставь, чтобы тебе на все хватило, да и иди себе, – добродушно пробасил водитель.

Деваха высыпала ему в ладошку несколько монет, извинилась, и побежала к парому, на который незадолго до нее в числе немногих пассажиров взошел и ее попутчик по такси, мужик за сорок в сером костюме.

Водитель, а звали его Слава, разворачивая машину, вдруг вспомнил, как он стал таксистом, что именно его подвигло выбрать эту профессию. Несколько лет назад ехал он вечером к подружке, получившей комнату в общаге у черта на куличках – в Лузановке. Денег было в обрез, а времени – тоже мало. Славик все рассчитал – рупь семьдесят – такси, рупь – двадцать – бутылка «Алиготе», еще 10 копеек – утренний отъезд из Лузановки до площади Мартыновского на 155-м или 166-м автобусе – они носили гордое имя «экспресса». И еще рубль в резерве. А в понедельник – зарплата на «радиалке», где он работал по третьему разряду слесарем. А закусон – это уже Иркина забота. Так вот, Славик умышленно долго ждал у Моста мотор, в котором уже был пассажир. В этом случае можно было заплатить поменьше, тем более, что у одесситов всегда было принято округлять сумму при расчетах до рубля в пользу водителя. Излишняя педантичность считалась дурным тоном.

И вот удача – на переднем сиденье Волги сидел поддатый мужичок хлипкого телосложения, в шляпе и костюме с галстуком. «О! Студент!» – радостно воскликнул он, когда Славик скромно присел не задний диванчик Волги, и тут же уронил подбородок на свою петушиную грудь, пустив слюну на яркий галстук.

Когда доехали до Второго Заливного, пассажир приоткрыл глаз, достал пятирублевку, и со словами «а не обидно будет?..» – двумя пальцами сунул ее в нагрудный карман рубашки водителя. Возле ЗОРа оплата повторилась, только между пальцами уже был червонец с профилем Ленина. Вопрос о вероятной обидности такого жеста повторялся еще раз пять или шесть, пока, наконец, пассажир не сошел на Сортировочной. Судя по выражению лица водителя, доставившего онемевшего Славку в Лузановку, обидно ему не было ну нисколечки… Когда парень стал отсчитывать деньги, таксист вежливо отстранил его руки своей лапищей, достал из кармана рубашки пару смятых синих пятериков и протянул их опешившему пассажиру.

– На, погуляйте с подружкой. Этот деловой мне своими «не обидно» еще от Красного шелестел. Мне уже хочется поделиться с кем-то своим счастьем!

Славка радостно полетел в магазин товариться, и вечер его прошел значительно содержательнее, нежели он изначально предполагал.

Случай этот настолько запал ему в душу, что кроме как о том, чтобы стать таксистом, Слава ни о чем и думать не мог. Права водителя-профессионала он получил в армии, в войсках связи. Пришел в таксопарк на Среднюю, познакомился с кем надо, и через полгодика уже водил свою Волгу попеременно со сменщиком, Витькой. Только вот такого пассажира ему пока что не попадалось… А, впрочем, и откровенные «ангины» – явление тоже нечастое, и Славик быстро их научился отличать. По совету корешей-водителей, он старался не сажать в машину мужчин старше среднего возраста в шляпах и с портфелями.

Про случай с ильичевским паромом Слава забыл, и очень удивился, когда ему о нем напомнили на работе. Причем первым его чествовал председатель парткома, который, как Слава помнил очень хорошо, при этом случае не присутствовал. По профессиональной привычке на все явления смотреть под партийным углом, «политрук» кратко изложив фабулу происшествия, одобрительно похлопал водителя по плечу. Дескать, с такими, как ты, в коммунизм мы придем запросто, молодец.

Недоумевая, Слава подошел к группе водителей, шумно обсуждавших что-то и шелестящих газетой.

– А, благородный! – радостно заорал кореш Витька, напарник, собирающийся после смены накатить с ребятами по сотке-другой. В руках его была «Вечерка». На развороте – большая статья. Заголовок – «Благородный таксист». Пробежав глазами материал, Слава прочел о том, что именно такие, как он – соль земли и надежда человечества. Именно он – представитель того нового типа людей, о котором мечтали Маркс, Энгельс и Ленин, ставя грядущим поколениям неподъемную триединую задачу воспитания нового человека. Там еще много было всего.

Из текста статьи Слава понял, что его вторым пассажиром, кроме девушки, был журналист. Он с ней поговорил, и вот – разродился сенсационным материалом. Конечно, не вся статья посвящалась Славе. Там было и о всяких хапугах, дерущих с трудящихся на рынках, о спекулянтах, фарцовщиках, водителях такси, у которых вместо глаз – юбилейные рубли, и вот всему этому человеческому хламу противопоставлялся светлый образ Славика, имя и фамилию которого смог выяснить дотошный корреспондент, успев в последний, перед отходом парома, момент, срисовать номер его таксомотора. Славик как раз разворачивался.

Тут же ребята предложили отметить Славкино благородство. После работы, разумеется.

Вечерком присели на Средней, за пивной будкой на ящиках. Взяли из расчета, чтобы хватило, да где уж там, пришлось добирать у цыган. Сидели весело, Славку подъелдыкивали ежеминутно, называли его «вашим благородием», объясняли, насколько горды самой возможностью выпивать с новым человеком, и все такое прочее. Шутки были добродушными, и вся эта история воспринималась слегка уже расслабленным сознанием Славика, как простой повод для дружеской попойки.

Все было хорошо, пока лепший кореш Витька, друган закадычный, не спросил: «А ще ты ему заплатил, чтобы он такое про тебя понаписывал?»

Слава не поверил своим ушам. И такое спрашивает Витек, с которым они в огонь и в дым? С которым выручали друг друга, и вроде бы знали друг друга, как сами себя? Славик попросил повторить вопрос, совсем, как много лет спустя, игроки из передачи «Что? Где? Когда?». Витек повторил. Тогда Славик дал ему в глаз. Он бы дал еще, но ребята оттащили.

Никогда не думал Славик о людях плохо, и не подозревал их в подлости, пока они сами не доказывали ее неопровержимо и очевидно. Тем обиднее было, что его заподозрили в такой гнусной каверзе. И кто – лучший друг!

На следующий день пошел Славик в редакцию и долго ждал корреспондента. Ему говорили, чтобы пришел завтра. Завтра, точно, какое-то заседание, все соберутся к девяти. Но ждать до завтра Славик не мог. В душе накопились разные слова, а на языке вертелись выражения, которыми навряд ли стала бы оперировать уважаемая в городе газета.

Но вот мужчина сорока примерно лет в сером костюме и в очках зашагал по коридору, по направлению к старому столу, сидя на котором Славик коротал время в томительном ожидании. Увидев уверенный взгляд из-за стекол очков, доброжелательную улыбку и волевое лицо, водитель машинально пожал протянутую руку, и все заготовленные выразительные эпитеты и красочные сравнения куда-то делись сами собой. И тогда он просто, монотонным голосом и совсем без мата, рассказал корреспонденту, насколько губительной для него стала эта статья, Что он – совсем не такой, и никакой не созидатель, и не новый человек. Что потерял лучшего друга, а весь первый таксопарк, а скорее всего и второй, Лапчева, что на 25-й Чапаевской, теперь потешается над ним, считает «швыцаром», а может и того хуже. А потом спросил, что же ему теперь делать?

Корреспондент все внимательно выслушал. Вздохнул. И сказал:

– Если Вас действительно интересует мое мнение, то вот, что вам делать, Слава. Во-первых, с другом помиритесь. Он вас обидеть не хотел, это водка в нем говорила. А во-вторых – ничего не делайте больше. Я виноват перед вами, Слава, я хотел, как лучше, а оно вот как вышло… Но не публиковать же теперь опровержение. Писать для газеты – моя работа.

О статье через месяц-другой все забыли. Славик был прощен Витьком. Только про благородство при нем лучше было не говорить.

Викуся из техотдела

Потолок технического отдела был потрескавшимся, с желтыми пятнами. Особенно мрачно выглядел он в понедельник, зимним утром, при свете засиженного мухами за много лет круглого мутного светильника. Сеня перевел свой взгляд на открывшуюся дверь, и увидел Викусю, отряхивающую с себя мокрый снег. Лиза уже сидела за своим потрескавшимся желтым столом (в обед – сто лет), и наводила утренний марафет.

– Привет девчонки, мальчишки! – заголосила Викуся – у кого есть закурить?

Шел 1989 год. С «закурить» были проблемы. Знакомые приносили с табачки полуфабрикаты сигарет, длиннющие, как полярная ночь, нерезаные макаронины, набитые скверным, вонючим табаком. Сеня отхватил ножницами сантиметров восемь от этой сигаретины и протянул вошедшей.

– Так, я в доле! – выкрикнула Лиза.

– Еще неизвестно, что ты во рту вчера держала, – парировала Вика.

– От такой слышу – не осталась в долгу Лиза. Это были такие шутки.

Поднялись на четвертый этаж к Ване. Ваня по договоренности с директором фабрики производил в отведенном ему арендованном помещении иконы. Технология состояла в наклеивании репродукций Рублева на куски ДСП и последующем покрытии их лаком. Иконы эти жена его продавала в горсаду. Мастер всегда был рад гостям, он включал электрочайник, иногда доставал крепленое вино (если было), всегда в початых бутылках. Закурили. Викуся томно повела глазами и сказала: Вы счас умрете!

Такое начало предвещало незаурядную новость. Спрашивать о причине своей неминуемой и скорой погибели смысла не было. Викуся и так уже надулась новостью, стоило только подождать.

– Я замуж выхожу!

– Да ты что? – вяло отреагировала на это новость Лиза.

– Короче, в пятницу Серега пригласил к себе на хату, у него был сабантуй. Был там один, так, сначала я и внимания на него не обратила, чернявый такой, в джинсах и гандоне (как потом выяснилось, имелась в виду куртка из полимерной пленки с ярким рисунком, а вовсе не противозачаточное средство). Так вот, посидели, выпили кальвадоса, потом – пива, ну и пошло-поехало, танцы-шманцы. Потом пошли на кухню. Разговорились. Так вот, он говорит – жена, сука, пока он был в рейсе, в общем с лучшим другом… Ну вы всю эту фигню поняли. А я стала о себе говорить, и вдруг взяла и все-все про себя рассказала.

Следует тут заметить, что Викусиного рассказа всего-всего о себе никто из присутствующих никогда не удостаивался. Все довольствовались отрывочными сведениями биографии: плавала, работала на Севере и тому подобное. По некоторым особенностям поведения можно было понять, что прошлая жизнь Вики полна событий, и не всегда они были такими, о которых стоит много говорить. В душу никто не лез.

Вика была отличным товарищем, занимательным собеседником, и в свои 29 лет – бабой веселого нрава. Не соскучишься. Так вот, по ее словам, выслушав ее устную автобиографию, Валера (так звали ее нового приятеля), не отшатнулся в ужасе и осуждении, а напротив, проникся самой искренней симпатией. Стал он изъясняться в самых теплых чувствах, охвативших его огрубевшую просоленную душу. Сам родом из Евпатории, закончил ОВИМУ (вышку, по-одесски) и уже лет пять бороздит моря-океаны. Именно о такой, честной, понимающей и нежной, он мечтает уже три месяца после уже упомянутого казуса с бывшей женой.

Тут мы все, перебивая друг друга, стали выражать свою радость по поводу столь счастливого исхода такого заурядного мероприятия, как обычный Серегин сабантуй, а также надежду на еще более счастливое продолжение завязавшейся дружбы.

Всю ту и последующую неделю Викуся «строила отношения». В пятницу был назначен премьерный показ теперь уже жениха.

После работы в помещении техотдела был накрыт стол. Кроме вполне приличной выпивки (без спирта «Роял», но с водкой и вином), на столе присутствовали салаты (винегрет и оливье), рыбные консервы, а также гвоздь программы – две полукилограммовые жестяные банки с невиданным нами ранее деликатесом – консервированными языками. Консервы эти были внесены женихом, они входили в какой-то там его моряцкий паек, и было такого добра у него еще много.

Кроме техотдела, состоявшего из собственно Вики и Лизы, и Сени, главного механика фабрики, чье рабочее место было рядом с ними (когда ему не надо было куда-нибудь уезжать), пришли «девчонки» из бухгалтерии, два слесаря по ремонту аппаратуры, юристка Люба, уборщица и другие официальные лица.

Сидели хорошо. Валера много рассказывал о дальних странах, в которых он побывал, а фабричные – о своей нелегкой судьбе, щедро пересыпая речи анекдотами. Подгулявших гостей любезно развез по домам на зеленом служебном микроавтобусе УАЗ водитель Олег.

Утром в понедельник Викуся, захлебываясь от счастья, сообщила, что ей предстоит поездка к вероятной свекрухе в Евпаторию. По ее словам, выглядеть она собиралась «девственно». Лиза было выказала некоторые сомнения в реальности возможности произведения такого впечатления, но была жестоко пощипана невестой за все, до чего та могла дотянуться, и умолкла, бледнея.

Заявление на четыре отгула, подписанное директором, секретарша продемонстрировала через полчаса, сдержанно намекнув и на свои заслуги в такой оперативности. В нетерпении Вика с трудом досидела до обеда, и отправилась в крымское турне.

Неделя прошла в обычной рабочей суете. В студиях забивались унитазы, портились краны, дымилась электропроводка, ломались изношенные вконец камеры и софиты. Все шло своим чередом, и про радостное событие в жизни своей подруги коллеги не то, чтобы забыли, а как-то перестали думать. И вот она вернулась, счастливая, гордая и уверенная, что с представительской функцией справилась вполне успешно.

Валеркина мама – такая центровая чудачка! – щебетала Вика, – мы с ней даже чем-то похожи. Она такая тертая в жизненных вопросах! Она так хавает в шмутках! Она так говорит о мужиках! Она мне просто подруга теперь! Она…! Она…!

Между делом, Викуся также восхищалась и чудным домом в Евпатории, богатой обстановкой, шикарным японским магнитофоном, телевизором с индийским кинескопом, двадцать четвертой «Волгой» в гараже и другим-прочим. А также тем, как строго будущая свекруха обращается с сыном. Всю обратную дорогу Валерка промолча – забила его мамаша морально конкретно!

Во вторник Викуся на работу пришла с большим опозданием. Тихо села за свой стол у окна.

– Зй, подруга, ты чего? – поинтересовалась Лизка – чего нос повесила? У меня вот горе, – один приличный костюм, и тот моль побила. Муж бывший никаких денег на детей не дает, совсем, скотина забыл, что сперматозоиды его были! А ты у нас на выданье!

– Выданье, уиданье! Прихожу с работы, а нету моего красавца. Все свои шмутки забрал. И консервы с языками и тушенкой тоже!

Почему-то эти консервы взбесили Викусю больше всего.

– Все мужики – гавно! У кого есть закурить?

Сеня привычно достал макаронину и ножницы.

Вот такое кино…

Летний субботний ранний вечер в одесском дворе. Золотистый солнечный свет, просеянный сквозь листву ореха и винограда-дички уже неярок и больше отдает красным. Все окна открыты, негромкие шумы из квартир и обрывки разговоров сливаются в некий гул, к которому слух привыкает быстро. Потом он просто не воспринимается.

Основу шума создают динамики телевизоров. Каналов всего три, а сегодня они настроены почти все на первую программу Останкино: передают новый заграничный фильм, что бывает нечасто. Сегодня – кино итальянское, нового прогрессивного режиссера, сочувствующего социализму и выступающего против империализма, особенно американского. Обещали, что это будет детектив.

Николаю фильм вначале показался довольно скучным, а потом заинтересовал. Действие происходило в кинотеатре. После сеанса включался свет, и каждый раз один из зрителей сидел в своем кресле мертвый, с пулевым ранением. Когда главному итальянскому следователю, наконец, это надоело, он сам пошел в этот кинотеатр и сам посмотрел кино. Это был штатовский вестерн, в котором ковбои и просто бандиты то и дело палили друг в дружку из кольтов, не вынимая изо рта дымящихся сигар и иногда перебрасываясь скупыми фразами. И что же? Включают свет – еще один готов! Вынули пулю – а пуля от револьвера «Кольт» 45-го калибра 1886 года выпуска. Оружие редкое. Искали-искали, где такую пушку можно найти, у кого она может быть, и все впустую. А убийства продолжаются. И тогда комиссар еще раз пошел в кино, сел в первый ряд, и в конце фильма главный бандит, зловеще пыхтя сигарой, прицелился прямо в него из кольта и выстрелил. Зажгли свет – комиссар мертвый.

Коля задумался, взял папиросы и, как был в линяло-сине-фиолетовых спортивных штанах и майке, вышел на веранду. А хорошо все-таки жить у нас! Говорят, в Америке фильм запросто могут прервать в самый интересный момент для того, чтобы четверть часа крутить рекламу всякого ширпотреба… Размышления прервал сосед справа, Миша, водитель-«дальнобойщик».

– Ну, ты видал, какую муть показывают? Разве так может быть, чтобы прямо из экрана вылетела пуля? Это же чушь собачья! Откуда там пуля? Там и пистолета-то быть не может! – Миша нервничал, и Коля угостил его папиросой «Сальве». Порывисто затянувшись, Миша продолжал:

– Там же одна оптика! Кино идет из проектора на зкран. А звук – из колонок. И как такая пуля может убить зрителя?

– Ну, Миша, понимаешь, это такая аллегория. На самом деле, такого, конечно, быть не может. Дело в том, что, насмотревшись фильмов, где запросто убивают людей, зрители, сами того не замечая, могут настроиться на убийство. Им начинает казаться, что это – обычное дело, и нет ничего страшного, если кого и пристрелят. И тогда уже люди начинают гибнуть по-настоящему. А так фильм, вроде, неплохой.

Миша подумал секунд десять, докурил, и пошел к своей двери, а Коле захотелось пройтись. К вечеру стало приятно и прохладно. Вспомнилось, что дома кончается хлеб, да и газировочкой бы запастись. Коля быстро переоделся, и с сеткой – авоськой и алюминиевым сифоном вышел из двора. Вот, не надо переживать, что кто-то в квартиру вломится, весь двор под перекрестным обзором бабулек, сидящих на своих верандах. Это вам не в Америке. А Миша – славный парень, только вот мыслит как-то чересчур конкретно.

По дороге Николай встретил знакомого, выпили по кружечке пивка возле выгоревшей бело-голубой будки на Островидова угол Карла Маркса. Нижняя часть киоска была украшена большими круглыми дисками, напоминавшими гигантские монеты. Там же и сифон запра-

вил, за 12 копеек. Знакомого звали Федором, ходили с ним в одну школу, № 92. Потом пути-дороги разошлись. Школьный товарищ сдуру влез в уже обворованный кем-то киоск Союзпечати, когда приехала вызванная кем-то милиция, стал отбиваться, а в отделении, куда его все-таки приволокли изрядно помятым, стал кричать, обзываться фашистами, ну и загремел по полной… В лагере заболел туберкулезом, освободили по актировке. Вышел – женился на однокласснице, которая ждала его два года почти, родили сына. И вот Федька рассказывал, как пытался устроить пацана в институт:

– Штымп один, сосед мой, торчит в том институте доцентом. Я ему – пристрой пацана, трали-вали, я в долгу не останусь… А он мне: хорошо, только пусть он сдаст экзамены хоть на тройки, и я его протащу. Не, ну ты понял, этот баклан мне – «хоть на тройки»! Да если бы он мог на тройки сдать, – я что, просил бы?

Миша знал Фединого сына. Пацан действительно звезд с неба не хватал, и ему было непонятно, зачем его мучить этим институтом. Но и на этот вопрос у его кореша был ответ наготове: а що ему, два года терять в армии? Мимо проходила женщина, и Федор ей кивнул.

– Это мы поздоровались, или попрощались? – кокетливо спросила она.

– Это мы поговорили! – парировал находчивый Федор.

Тепло попрощавшись, товарищи расстались.

Заходя в подъезд, Николай услышал возмущенный Мишин голос:

– Но такого же не может быть? Откуда там взялась пуля?

Праздник

Давид Маркович занимал ответственный пост. Он отвечал за красоту всего Жовтневого района, а непосредственно – за вывески и рекламные надписи на домах. В те, уже далекие, времена реклама выполняла совершенно абсолютно другие функции, чем теперь. Это теперь если вешают лайтбокс или растяжку с надписью, скажем, «Pepsi», то хотят, чтобы люди больше пили этой газировки. А тогда, если сияла вечером вывеска «Гастроном», то, в основном, чтобы освещать окружающий пейзаж.

К работе своей Давид Маркович (для друзей – Додик) относился с полным вниманием. Это благодаря его усилиям улыбками вспыхивали лица одесситов и гостей города, когда они видели на «круглом доме», что на площади Мартыновского, справа от магазина учебных пособий большую надпись: «Летайте самолетами Аэрофлота!», а слева от того же магазина, в витрине «Бакалеи»: «Збираючись в далеку путь консервів банку не забудь!». Вам еще неясно, отчего эти улыбки. Так я вам объясню.

В витрине магазина учебных пособий стоял искусно выполненный из какого-то белого материала, то ли гипса, то ли пластика, скелет в натуральную величину. Для особой наглядности правая рука его была поднята, и создавалось полное впечатление, что вместе с вечной своей улыбкой он посылает в окружающий витрину солнечный мир оба эти послания. Согласитесь, дорогой читатель, что, несмотря на всю двусмысленность такой рекламы и весьма сомнительный экономический эффект, она стоила того, чтобы украшать «круглый дом». Впрочем, нам неизвестно, было ли это так задумано, или все получилось случайно. Да и реклама, что про Аэрофлот, что про консервы, особой альтернативы не предполагала.

Жил Давид Маркович в обычном одесском дворе, из тех, которые теперь ностальгически именуют «двориками». Внутреннее убранство их было примерно одинаковым, хотя возможны и варианты:

– дорожка из гранитных квадратных (примерно полметра на полметра) каменюк, первоначально обтесанных довольно грубо, чтобы не было скользко, но позднее отполированных сотнями тысяч, а может и миллионами шагов нескольких поколений одесситов. Если стучать по ним кочергой, то летели искры, я знаю, я так делал, когда был малый. С кочергами проблем не было, у многих тогда было печное отопление;

– пара деревьев, создающих тень в раскаленные летние дни;

– беседка со столиком и двумя лавками;

– душевая кабинка дяди Володи из гофрированного ржавого железа;

– старый недействующий колодец;

– водонапорная колонка (ее называли «кран»);

– техническое дополнение к общему пейзажу – или старый и ржавый Москвич-400 на спущенных шинах, или еще более старый, еще трофейный, мотоцикл BMW, вовсе без колес;

– вход в катакомбы под трухлявой деревянной дверью. В этом подвале, с двух сторон заложенном блоками ракушняка, некоторые жильцы держали домашние припасы и всякий ненужный хлам;

– террасы, на которые выходили двери квартир второго этажа. Там всегда стоял вкусный керосиновый запах, а по вечерам гудели синим пламенем примуса;

– веранды жителей первого этажа.

У кого есть чем дополнить этот список, или если кто имеет на что его сократить, то пожалуйста, флаг в руки, я ничего не имею против. Так вот, именно на первом этаже и жил Давид Маркович, и у него тоже была такая верандочка, причем особенно уютная, квадратная, а не длинная, как у всех, оттого, что квартира его была в самом углу двора.

Давид Маркович – «ветеран война», так он себя обзывает, когда есть повод. А он есть: сегодня – День Победы. За несколько дней до праздника уже приготовлена соответствующая одежда – светлая рубашка навыпуск с двумя карманами по бокам и одним – на груди (над карманом – орденские планки, довольно скромные), шляпа в сеточку с узкими полями, сандалии и широкие штаны. В карманах рубашки: овальные сигареты «Полет», спички, пару рублей с мелочью и ключ от квартиры. Солдату лишнего имущества не надо!

За те годы, что Маркович живет во дворе, сложилась традиция отмечаний Дня Победы. Вечером, после всех мероприятий официальных, начинался свой сабантуй, на котором присутствовали оба ветерана, живших во дворе.

Кроме Давида Марковича из соседей воевал еще и Соломон. Как его отчество, никто никогда не спрашивал. Все его так и звали: Соломон. О войне он никогда не рассказывал. Поговаривали, что он чем-то очень уж проштрафился в самом конце ее, и что, будто бы, даже и сидел. А может и неправда все это было. Спрашивали у паспортистки любопытные женщины, а она ничего толком не отвечала, только загадочно закатывала глаза.

Однако, Додик всегда звал Соломона к себе на веранду вечером 9 мая. Как будто между ними был какой-то секрет, про который говорить нельзя не только при посторонних, не воевавших, а даже между собой. Соломон брал свою бутылку, несколько бычков, пойманных накануне на Ланжероне, закуску сооружали нехитрую – немного жареной картошки с бычками, хлеб.

Соломон не мог похвастаться такой славной должностью, как Давид. Его служба была скромнее – он был киномеханик в клубе им. Ильича. А, впрочем, никогда на жизнь не жаловался. Оба ветерана были одинокими, и, теперь я понимаю это, совсем нестарыми мужчинами. Им обоим не было и пятидесяти. Кроме них, в банкете мог участвовать кто угодно, но соседи, выпив по пару рюмок с заслуженными людьми, шли к себе домой, праздновать с семьями и смотреть телевизор, у кого был. С пустыми руками гости не приходили, а так как они выпивали не всё, что приносили, то возникал излишек, которому Додик радовался, как ребенок.

Вечерело, сквозь листву, освещенную снизу дворовым светильником, пробивались первые звезды. Доносящиеся из чьего-то окна песни прошлых лет навевали мысли о минувшей войне. За столом оставались четверо – двое ветеранов, и пара молодых пацанов, живших в том же дворе (одним из этих оболтусов был автор этого повествования, ему было лет тринадцать, а другим – его лучший с детства кореш Вовка, на год старше). Пацаны, естественно, не пили, а только немного поели бычков, и внимательно слушали рассказы старших, они хотели узнать что-нибудь о событиях, известных им по кинофильмам. О войне, правда, пока речи не шло, не считая тостов.

«И знаешь, Хаим, ты таки вовремя проснулся, твой друг, парикмахер, уже намылил!» – закончил Додик старый анекдот про учителя и парикмахера. Все посмеялись, хотя молодежь, неопытная в этих делах, и не поняла всей глубины юмора.

– Давид Маркович, а как оно было там, на войне? – не выдержал все же Вовка. Девятого мая все-таки…

– Ладно, я сейчас расскажу.

Тут надо отметить, что Давид Маркович разговаривал с замечательно-жутким акцентом, приводящим в неописуемый восторг всех приезжих, а особенно проверяющих из Киева и Москвы, которые потом пытались воспроизводить его перлы, но, как правило, неудачно. Но даже неудачные эти попытки очень смешили коллег из столиц. Благодаря этому одесскому выговору все проверки деятельности Додика заканчивались просто превосходными отчетами. Ну и, конечно, Маркович умел принять гостей…

– Когда я бил на фронт, я служил в полку, – начал рассказ Додик, – визывает мене командир полка, и говорит: «Вот пленный немец! Веди его в штаб дивизий!». Я взял тот немец и пошел. А была зима, такой холод, что просто зусман! Я вышел на тот лед… И что делать? Я

взял того немца, убил, прихожу и говорю: «Немец хотел бежать, я убил его!» Командир раскричался: «Это бил очень важный немец, полковник! Ты пойдешь под трыбунал!» И тут начинается бой. Командир побежал в атака! Я уже прицелился в тот командир…

В этот момент стало ясно, что Соломон в ярости. Он сжал стакан в руке, пальцы побелели, как и его губы. Но он пока молчал.

– Тут летела бомба и убила его! – закончил рассказ Додик. Выдержав МХАТовскую паузу, и хитровато прищурившись на слушателей, он добавил свой комментарий к сухой хронике фактов:

– Ви думаете, если бы не бомба, он бы жил?

– Ах ты сука! – прохрипел Соломон, – да из-за таких, как ты…

Он встал из-за стола, проскрипел деревянной калиткой и заковылял к себе.

– Ты что, Соломон? Я же пошутил! – закричал Додик.

– Да пошел ты, – отмахнулся, не оборачиваясь Соломон. Было непонятно, отчего он шатается, то ли от водки, то ли…

– Не, ну вы видели, шуток не пронимает! – Додик взывал уже к пацанам.

Оба вышли молча.

– Ну и идите вы все! – закончил посиделки Додик и допил свой стакан.

Уроки мужества

Георгий Моисеевич Битман работал учителем географии. Это был мужчина лет за тридцать с вечно багровым лицом, рыжими волосами и голосом с приятной хрипотцой. В облике его было нечто необузданное, бунтарское. Это был хороший учитель. В нем сочетались черты характера, привлекавшие наше внимание, а это было очень непросто, его привлечь.

Как многие выдающиеся личности, Георгий Моисеевич обладал недостатком, весьма существенным для школьной администрации, но не имевшим абсолютно никакого значения для нас, семиклассников и семиклассниц: он любил выпить. Этой привычки своей он не скрывал, с достоинством перенося попреки директора, завуча и некоторых коллег обоих полов, он знал, что в его пользу работает фактор недостачи педагогического персонала в школах, особенно мужского. Мы же, юные ученики, относились к такому пороку весьма снисходительно, тем более что своими пытливыми мозгами установили достаточно простую функциональную зависимость между цветом лица учителя и качеством получаемой информации: чем багровее, тем интереснее.

Имелись и побочные явления. К шалившим пацанам применялись методы воздействия, мало совместимые с правилами советской школы – шелабаны, «лычки» и пинки под зад.

Во время одной из таких экзекуций ослабленный вестибулярный аппарат Битмана сыграл с ним злую шутку. Он, не попав ногою в цель, утратил равновесия, и, под громкий хохот юных оболтусов, гепнулся на пол, щедро натертых красной мастикой. На стук падения и громкий смех отреагировал проходивший по коридору мимо класса завуч школы, Василий Михайлович.

Это тоже был выдающийся человек, уроков которого ждали с нетерпением. Завуч преподавал историю, причем в довольно большой части этой самой истории принимал непосредственное участие. Он был ветераном войны, и орденские планки его свидетельствовали, что не в Ташкенте он совершал поступки, оцененные медалями и орденами.

Как-то на «уроке мужества», перед девятым мая он рассказал нам, как в начале войны, будучи диверсантом и командиром роты особого назначения, попал в затруднительное положение. Получил приказ взорвать мост после того, как по нему пройдут наши войска, в последний момент, перед самым носом у наступавших немцев. И тут на него налетает какой-то майор, совершенно не в себе, и приказывает поднять в воздух мост прямо сейчас, в сию же секунду, дескать, немцы уже близко. А по мосту идут наши солдаты.

И вот, – не послушаешь запаниковавшего майора, он застрелит тебя за невыполнение, по законам военного времени. А выполнишь его приказ – на штыки поднимут свои, видя гибель своих товарищей. Да и вообще, как-то людей жалко.

И вот, лейтенант госбезопасности, а в таком звании был в конце июня сорок первого наш завуч, выбирает единственно правильное значение: берет майора под арест, и выполняет приказ своего командования. Наши прошли все. Немцы не прошли. Вернее, прошли, но значительно позже, когда мост восстановили. А что стало с майором – история умалчивает. Но догадаться можно. Не надо паниковать. Нужно быть очень смелым, чтобы позволить себе трусить в Красной Армии.

Василий Михайлович, бывало, заходил в прокуренный школьный туалет на первом этаже, куда, по понятным причинам, директор, женщина, доступа не имела. Курившие одну на двоих, а то и троих папиросу ученики быстро сбрасывали окурки в «очко», предупрежденные негромким возгласом стоящего на стреме товарища – «шухер, Вася!»

Но это не помогало. Выворачивались карманы, и курево изымалось. За драки он ругал несильно, достаточно мягко разнимая конфликтующие стороны. Только если дрались непра-

вильно, то есть не один на один, то следовала презрительная фраза: «И что ж за такая жлобская привычка, бить кодлом одного?» Массивная фигура Василия Михайловича сама по себе призывала к порядку, как силуэт дредноута у берегов мятежной колонии.

Так вот, Василий Михайлович вошел в класс, вытянул руку и сказал свой коронный призыв: «Спокуха!» Мы затихли. Помогая помочь коллеге встать, завуч оценил ситуацию, мысленно реконструировал события, и, уходя, бросил через плечо:

– Если даешь поджопник, то попадай. А не уверен – не замахивайся!

Ради справедливости следует заметить, что поводов для карательных акций со стороны Битмана было много, хоть отбавляй. То целлулоидный шарик для пинг-понга завернут ученики в фольгу, и прогрев до воспламенения забросят на самый верх кафельной печи, и тогда проклятия учителя доносились откуда-то из клубов едкого дыма – самого его не было видно. А то ранним утром, когда на дворе еще темно, засунут кусок мокрой промокашки в цоколь люстры между контактами. Промокашка быстро высыхала, и переставала пропускать ток, а урок проходил в темноте, до того момента, как на улице не посветлеет. Но тьма – не преграда свету знаний. И начиналось то, чего все так ждали.

– Тема сегодняшнего урока – реки восточной Сибири. А на кой они вам? А?

В организме учителя то ли играли вчерашние пары, то ли уже сегодня успел…

– Что вам Гекуба?! – входил в раж Битман.

Кто такой Гекуба, мы не знали, не проходили еще.

– Да не буду я вам рассказывать про Восточную Сибирь. Сами прочитаете! А я вам расскажу про Коккинаки. Вот это был человек! Да вы такого не видели еще ни разу! Он был летчик-испытатель. Однажды была авария, и он остался без глаза. Какая-то фигня от самолета влезла ему в глаз, и вот стал он как Кутузов. Или Нельсон со своей Гамильтоншей. И эти ему говорят – все, летать не будешь, потому, что с одной стороны ты видишь, конечно, а с другой – извини, подвинься. А он – ни в какую. Буду, говорит, летать и с одним глазом. И стал развивать боковое зрение, так, чтобы видеть и справа, и слева, и все одним глазом. И развил! Те даже удивляются, с какой стороны ему что не покажи, а он все видит! И что с ним делать? Говорят – ладно, летай! И он полетел.

А тут как раз проект новый – приделать к танку Т-34 крылья и моторчик, и чтоб летал. А прилетит куда надо, крылья отбросил, чтобы не мешали, и вперед, за родину! Моторчик тоже отбросить надо. И вот летчик Коккинаки садится, значит, в этот танкосамолет, и летит себе. А был туман, к тому же компас чего-то заело. В танке он не очень так, железо кругом. И вот сбился он с курса. Смотрит – аэродром. И идет себе на посадку, и не замечает, что аэродром – немецкий. А фашисты себе думают – а классно, сейчас последний новейший советский танкосамолет захватим, изучим все, разберем.

А Коккинаки своим выпуклым глазом – опа! А чего это свастика висит? И понял, куда сдуру прилетел. Но не растерялся. И не сбрасывая крылья, стал давить гусеницами немецкие самолеты, и еще из пушки добавил, и из пулемета. А потом опять взлетел, и уже обратно, к нашим прилетел. Ну, потом еще много самолетов испытывал, Ту-104, МиГ-21 с вертикальным взлетом, и прочие. Вот такой летчик был! Поняли?

Мы дружно выразили свою понятливость. Конечно, про такое слушать, это вам не про реки восточной Сибири.

Весной вся школа обсуждала перспективы семейной жизни Битмана. Откуда неизвестно, но все, от первоклашки до директора знали, что от него жена уходит. Долго терпела, и вот, всё, больше не может его красную рожу видеть. На самого учителя смотреть было больно. Багровость достигла верхнего возможного уровня. Было ясно, что он осознает, что положение совершенно безнадежно, и даже полный отказ от любимого напитка, выражаясь словами учительницы физкультуры Аллы Михайловны, не склеит разбитой вазы семейной жизни. Поэтому и отказ такой был совершенно бессмысленным. И его не было.

А тут как раз в школе объявили конкурс на лучшее стихотворение о Ленине, к сто – какой-то там годовщине со дня его рождения. Стихов было немного, а жюри состояло из учительницы литературы Людмилы Николаевны, завуча Василия Михайловича и Георгия Моисеевича. Им предстояло определить лучший стих и послать его дальше, на районный конкурс. А победителю городского конкурса светила поездка в Москву, с посещением мавзолея. Такие вот дела.

С самого начала, как только начали читать стихи, стало ясно, что, как Гитлеру не видать Москвы питомцам нашей школы. Только по телевизору. На большой перемене Битман отлучился в маленький гастроном через дорогу. Придя обратно, он задумчиво побрел по школьному коридору, декламируя нараспев одно из представленных на конкурс произведений:

В городе симбирском
Родился мальчик Ленин…

– Не правда ли, что-то библейское есть в этих сточках? Только Вифлеемской звезды не хватает, а? – допытывался он у Аллы Михайловны, но та оставляла его политически опасные параллели без ответа, отмахиваясь рукой то ли от них, то ли от свежего водочного духа, распространяемого Георгием Моисеевичем градусов на шестьдесят вправо и влево от оси его дыхания.

Затем грустные мысли о предстоящем одиночестве вновь овладели буйной кудрявой головой учителя, и он вышел не улицу. Накрапывал весенний апрельский дождик. Мимо проходила дама элегантного возраста глубоко за пятьдесят, и, непонятно из каких соображений, Битман вырвал из ее рук цветастый зонтик. Вестибулярный аппарат его опять дал сбой, и, не выпуская из рук добычи, учитель рухнул в лужу. Вращая зонтом, он кричал: «Любовь! Любовь!», и возгласы его мешались с воплями дамы элегантного возраста, пытавшейся отбить свою собственность у разбушевавшегося педагога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.